

ПАТЛОСЪ ГЕРОИЗМА И ИДЕИ СОВРЕМЕННОСТИ.

Среди многихъ легендъ о неукротимомъ Роландѣ *) есть одна, исполненная глубокаго смысла и символическаго содержанія. Ея фабула такова.

Однажды друзья рассказали Роланду, что гдѣ-то, неподалеку, посреди глубокаго озера, на пустынномъ островѣ — возвышается мрачный, неприступный замокъ, а въ немъ живетъ злой, старый волшебникъ. Еще никому не удавалось проникнуть внутрь замка, ибо волшебникъ убивалъ своихъ враговъ на разстояніи — чѣмъ-то невидимымъ: блеснетъ огонь, грянетъ громъ и нападающій падаетъ пораженнымъ.

Не задумываясь, Роландъ рѣшилъ, что онъ долженъ сразиться со злодѣемъ и избавить отъ него міръ. Онъ находитъ озеро, садится въ лодку и безстрашно ѣдетъ одинъ, къ чуть видящейся съ берега громадѣ замка, какъ бы поднимающейся прямо изъ воды. И вотъ, когда онъ былъ уже совсѣмъ близко и все кругомъ было такъ тихо, что казалось, будто замокъ необитаемъ и какъ бы умеръ, — вдругъ блеснулъ огонь, что-то загремѣло и ударило въ воду рядомъ съ лодкой... Еще и еще разъ... Но чудомъ невредимый, рыцарь съ однимъ мечомъ въ рукахъ, добрался до острова, ворвался въ замокъ и убилъ волшебника: маленькаго, тщедушнаго старика. А на полу, рядомъ съ нимъ, онъ нашелъ его таинственное, злое оружіе... Это была какая-то странная палка, съ механизмомъ посрединѣ, кончавшаяся длинной, желѣзной трубкой. Роландъ взялъ его съ собой, отѣхалъ на самое глубокое мѣсто, съ презрѣніемъ разломалъ это подлое оружіе на куски и выбросилъ въ воду.

*) Въ русскомъ переводѣ, вышедшемъ въ XIX вѣкѣ онъ названъ «неистовымъ» Роландомъ, не истовымъ (?!).

Но, совершивъ свой подвигъ, Роландъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что побѣда не дала ему радости. Глубокая тоска охватила его душу.

— Вотъ, — думалъ онъ, — я убилъ этого гнуснаго старика и уничтожилъ его злое дѣло; но я не спасъ этимъ міра отъ коварства и хитрости. Наступитъ когда-нибудь время, когда кто-нибудь другой придумаетъ такое же оружіе и когда каждый сможетъ его имѣть. И это будетъ означать, что пришла смерть рыцарству. Ибо если каждый, самый ничтожный и робкій, прячась, не въ открытомъ и честномъ бою, не осмѣливаясь даже подойти къ своему врагу, сможетъ поразить издали самага храбраго и самага сильнаго, — рыцарство умретъ: это будетъ днемъ смерти героизма и доблести, мужества и отваги. Это будетъ означать, что міромъ начнутъ править не самыя прямые, благородныя и доблестныя, а самыя коварныя, разсчетливыя и хитрыя... —

Таково содержаніе этого прекраснаго, пророческаго разсказа.

Меня не смущаетъ наивность этой легенды. Она придаетъ ей только особую прелесть и не мѣшаетъ ощутить всю глубину ея содержанія. Мнѣ не важно сейчасъ: «правъ» ли былъ храбрый и не мудрествовавшій рыцарь? Правъ ли онъ былъ, думая, что до него міромъ правила отвага и доблесть, и не ошибался ли онъ, боясь, что какое бы то ни было изобрѣтеніе сможетъ хоть когда-нибудь устранить героизмъ, сможетъ потушить извѣчную и неугасимую человѣческую потребность. Мнѣ не это важно. Говоря «по современному», мы сейчасъ пожалуй даже упрекнули бы Роланда въ преувеличенномъ представленіи о значеніи «матеріальныхъ факторовъ». Но за всѣмъ этимъ въ легендѣ остается яркое изображеніе столкновенія двухъ извѣчно борющихся началъ, двухъ человѣческихъ типовъ и психологій; въ ней остается и элементъ подлиннаго пророчества. Ибо несомнѣнно, что та эпоха, о которой съ такимъ ужасомъ, тоской и омерзениемъ, по разсказу легенды, думалъ Роландъ — уже наступила; въ эту эпоху жили наши отцы, а мы сейчасъ доживаемъ и изживаемъ ее...

Въ чемъ же выразилась эта новая эпоха и что же измѣнилось въ судьбахъ героизма?..

— Не въ могучемъ ли и безпредѣльномъ ростѣ техники? Но мы-то знаемъ теперь, что «съ появленіемъ ружья» — героизмъ не умеръ; что вообще нельзя матеріально умертвить того, что бессмертно...; и что съ новыми техническими достиженіями люди лишь углубляютъ, разнообразятъ и расширяютъ способы проявленія извѣчной человѣческой потребности и страсти. — виды человѣческаго героизма...

Можетъ быть иныя, новыя условія жизни (соціально экономическій факторъ) породили иные нравы, иныя потребности. въ результатѣ которыхъ умеръ герой и родился новый «средній человѣкъ»? Да, конечно, душа каждой эпохи неотрываема отъ ея тѣла. Но мы какъ разъ отрицаемъ неизбывную зависимость человѣческаго духа отъ его тѣла и отъ соціального фактора...

Или, быть можетъ, все сводится къ тому «движенію» въ безконечномъ «историческомъ пространствѣ», которое даже движеніемъ можетъ быть названо лишь въ смыслѣ смѣны поколѣній и которое почему-то называютъ «прогрессомъ»? Но я думаю, что историческое «движеніе» совсѣмъ не есть еще тѣмъ самымъ движеніе впередъ и что не всякое развитіе есть уже прогрессъ. Миѣ чуждъ этотъ наивный позитивистическій мистицизмъ, эта «религія» самодовлѣющаго «движенія» или «прогресса».

И именно поэтому я думаю, что объективная историческая справедливость легенды заключается не въ томъ, что «героизмъ умеръ», а въ томъ, что онъ угасался и погасался тѣми идеями, которыя господствовали въ изживаемую нами эпоху. Идеи вообще имѣютъ свою жизнь и свое движеніе; онѣ не зависятъ въ конечномъ счетѣ ни отъ технически-матеріальныхъ, ни отъ соціальныхъ факторовъ; онѣ не зависятъ и отъ мнимо новыхъ и мнимо «прогрессивныхъ» условій жизни. Онѣ изживаются и теряютъ свою жизненную силу.

И вотъ, господствовавшія идеи нынѣ уже уходящей эпохи — въ своихъ умыслахъ и намѣреніяхъ «отмѣняли» героизмъ, или въ лучшемъ случаѣ «устраняли» и отстраняли его за ненужностью. А люди этой эпохи, тѣ, которые эти идеи восприняли, «растлѣнные» этими идеями, всѣми силами психически отталкивались отъ героизма. Закоренѣлые и вѣрные сторонники этихъ идей, пропитавшіе ими свои вкусы, на-

выки и эмоціи, не могли не ощущать героизмъ, какъ пережитокъ стараго, въ лучшемъ случаѣ наивнаго и «глуноватаго» времени; въ худшемъ случаѣ они относили нѣкоторыя проявленія его прямо къ эпохѣ господства грубой силы; это еще ничего. если они считали его только смѣшнымъ («ридикюль»). чаще — варварскимъ, низменнымъ, не «прогрессивнымъ», признавая и «легализуя» лишь нѣкоторыя его формы, не понимая, что стихія его всегда и во всемъ одинака: — ибо, конечно. Роландъ и Галилей, Колумбъ и Гусь, и всѣ тѣ безчисленные «маленькіе герои», творцы жизни на всѣхъ ея путяхъ и во всѣхъ ея областяхъ, — суть братья по духу. И если, въ изживаемую нами эпоху, одни изъ нихъ признавались, а другіе отрицались, то это показываетъ только, что признавалась не стихія героизма, а лишь та (своя) область, въ которой данный человекъ дѣйствовалъ, хотя бы и героически. Это показываетъ, что самого героизма, какъ вѣрнаго жизненнаго метода, какъ нормальнаго творческаго начала — не воспринимали, отрицали его, чурались.

Но о какихъ же именно идеяхъ идетъ рѣчь?

Культъ большинства, поиски «средняго арифметическаго», неизбѣжное стремленіе все с низить, а иногда и срѣзать возвышающіяся надъ толпой головы, тяга къ срединности, страсть уравниательства, «сладоэрастіе уравненія», — таковъ тотъ еще недавно безраздѣльно господствовавшій комплексъ идей и чувствованій, изъ подъ власти котораго мы еще только начинаемъ высвободяться *).

Культъ и паѳосъ героизма предѣльно эти идеи исключаютъ. Они абсолютно съ ними несоединимы и даже прямо имъ противоположны. Культъ героизма есть культъ исключительной личности; тѣмъ самымъ онъ утверждаетъ неравенство, какъ нѣкую неизбывную стихію жизни, какъ суровый и жестокий законъ самой жизни, какъ источникъ творчества и движенія. Неравенство есть предпосылка героизма. Болѣе того: если такъ обстоитъ въ логической плоскости, то еще разительнѣе психологическое взаимоотталкиваніе между культомъ невыдѣляющагося и паѳосомъ выдающагося.

*) Въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить только о проявленіяхъ героизма въ общественной и государственной жизни.

Представимъ себѣ на минуту, что тотъ прѣсный «земной рай», тотъ «истинный прогрессъ», неосуществимыми идеями осуществленія котораго бредятъ «властители вѣка сего», — когда-нибудь наступить... Въ этомъ мірѣ, представляющемъ изъ себя комбинацію сѣраго острога съ прекраснодушно-слапавой сектантской молельней, — не оказался ли бы герой въ положеніи Потока-Богатыря, попавшаго въ анатомическій театр (см. у графа А. К. Толстого)? Но и болѣе того, — герой былъ бы помѣхой, врагомъ этого «рая», ибо онъ даже не борясь съ нимъ, однимъ своимъ присутствіемъ — опрокидывалъ бы его. Въ этомъ раю герой навѣрное былъ бы объявленъ «врагомъ народа» и «соціально опаснымъ элементомъ»...

Послѣдовательное, до конца додуманное философское оправданіе и пріятіе героизма, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ подлинной и живой жизни, есть признаніе и пріятіе неравенства. И еще болѣе, — это есть признаніе того, что міръ лежитъ во злѣ, которое неустрашимо никакимъ «общественнымъ договоромъ», или «истиннымъ прогрессомъ», или «деклараціей Вильсона»: во злѣ, борьба съ которымъ требуетъ непрерывнаго индивидуальнаго подвига...

Все, чему «хозяева положенія», «люди вѣка сего» настойчиво учатъ довѣрчивыя массы и низы народа, есть призывъ къ умерщвленію героя. Ибо они говорятъ народу, что онъ самъ можетъ и долженъ устраивать свою судьбу; они прививаютъ ему вредныя и усыпительныя грѣзы «ни-въ-комъ-ненуждаемости», самонадѣянной горделивости и всяческаго «анти-водительства». Они говорятъ ему неправду о мірѣ и жизни, неправду о законахъ, управляющихъ жизнью общества.

«Тебѣ не нужны вожди, тебѣ не нужны герои! Ни за кѣмъ не иди! Веди и приказывай самъ! Ты — хозяинъ, а мы твои слуги!..»

А съ этимъ неизбежно связано и отвращеніе народнаго взора отъ неба...

«... И сладкій горошекъ достанется намъ!
А царство небесное мы воробьямъ
И ангеламъ Божьимъ уступимъ...»

Такъ нѣкогда аргументировалъ Бебель свою социальную утопію — стихами Гейне. —

Въ каждомъ народѣ всегда есть элементъ «дѣтства» и святой дѣтскости, — грубаго, жестокаго, наивнаго, но довѣрчиваго и ищущаго. И эту его тягу ввысь и вверхъ, всѣ его неизбывныя тяготы и бремена, и поиски того, кто бы вывелъ его изъ нихъ. повелъ и помогъ, — они пытаются замѣстить самоудовольствомъ «сладкаго горошка» и культивированіемъ его собственныхъ слабостей и пороковъ.

Образно выражаясь, можно сказать, что на окна его дома, въ которыя народъ можетъ видѣть небо, они вѣшаютъ зеркала. въ которыя онъ не долженъ видѣть ничего, кромѣ самого себя...

Героя, подвижника, личнымъ напряженіемъ и усиліемъ ведущаго и спасающаго народъ, всегда вдохновленнаго идеей жертвы и служенія — они всегда старались отгѣснить и заслонить, или, въ лучшемъ случаѣ «ощипать». Для себя же они придумали званіе «народныхъ слугъ» и «исполнителей его воли». И какъ часто здѣсь совершается тотъ самый обманъ, который произошелъ въ извѣстной, поистинѣ символической сказкѣ Пушкина о «работникѣ Балдѣ»: ибо они нерѣдко «служать» народу такъ же, какъ Балда «пронесъ» лошадь... сѣвъ на нее верхомъ...

Средній человѣкъ, если онъ утверждаетъ свою «средность», какъ цѣнную и должную, — не можетъ не бояться и не ненавидѣть героя. Для людей съ бѣдной эстетикой и съ обильной завистью — герой есть конкуррентъ, помѣха и «затмитель»: изъ-за него можно остаться незамѣченнымъ и забытымъ. Средній человѣкъ, которому его собственная базкрасочность не внушаетъ естественнаго чувства скромности, а «носится» имъ, какъ нѣкій единственно приличный современный мундиръ и даже, какъ нѣкое идейное знамя, долженъ чувствовать себя въ присутствіи героя примѣрно такъ, какъ почувствовали себя два полячка послѣ появленія въ «Мокромъ» Дмитрія Карамзова: не у дѣ л ь ! . . .

Нужны ли республикѣ герои? Французская революція, умертвившая короля, королеву и королевство (правда, чтобы создать вскорѣ имперію!), быть можетъ впервые за все исторически обозримое время создавшая идейно насыщенную и напоенную духомъ республиканизма — рес-

публику, — та. по началу, думала даже, что «республика не нуждается» и «въ ученыхъ». Это, конечно, было «нѣкоторое» преувеличеніе. Но что господствующія идеи современности учать и убѣждаютъ, что республика не нуждается въ герояхъ — это несомнѣнно; онѣ могли бы свободно сказать толпѣ, что герой — «герой не ея романа . . .»

Если человекъ хочетъ узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и даже познать себя, кто онъ самъ, то самымъ вѣрнымъ способомъ является осознать и прочувствовать, не что онъ думаетъ и говоритъ, а къ чему его тянетъ, что его привлекаетъ и притягиваетъ къ себѣ, что онъ считаетъ красивымъ, какова его «эстетика». И вотъ какъ разъ эстетика подлиннаго героизма прямо противоположна эстетикѣ «героя современности». Къ чему копья и шлемы, когда есть векселя и биржа? Къ чему Наполеонъ и Великая Армія, когда есть Вильсоны, 11 пунктовъ и Лига Націй?!

Такъ называемая «передовая демократія Европы» ведетъ сейчасъ послѣдовательную и упорную борьбу съ «военной психологіей». Но въ чемъ существо этой борьбы? Есть ли это только борьба за мирный трудъ, борьба противъ страшнаго и кроваваго времени, противъ новаго возможнаго кровопролитія, матеріальнаго разоренія, соціальныхъ взрывовъ и культурнаго оскудѣнія? Если бы мы вообразили, что этотъ разумный и законный мотивъ является единственнымъ, — мы бы глубоко ошиблись. Можетъ быть въ гораздо большей степени это есть попытка со стороны довоенныхъ людей произвести нѣкую духовную и идейную реставрацію: ибо это есть борьба противъ всего того, что рождено во время войны и благодаря ей; это есть борьба свѣтской и обезцерковленной Франціи съ тою Франціей, которая пошла во время войны въ храмы, фигурально выражаясь, это есть борьба «Комбовъ» съ «Фошами». И если современная Франція попрежнему празднуетъ, какъ національный (!) праздникъ, 14-ое іюля, то война, быть можетъ, уже возродила и оживила подлинно-национальный образъ Жанны Д'Аркъ. — образъ не раздѣленія, а единства, образъ національнаго освобожденія, а не образъ взятія пустой Бастиліи . . .

Я могъ бы выразить это по-русски именами Златовратскаго и Гумилева, — не давая какого-либо догматическаго изложенія сущности героизма. Ибо «смазать» противоположность

этихъ человѣческихъ образовъ невозможно: между ними надо выбирать. Кто теперь читаетъ Златовратскаго и не знаетъ Гумилева? Но этотъ вопросъ неизбежно вызываетъ другой, общій: всегда ли живой ткани народной духовной жизни соотвѣтствуютъ тѣ идеи, которыя почитаются данной эпохой и входятъ въ ея канонъ? . . . — Можно отвѣтить: почти никогда! Ибо жизнь движется быстрѣе; идеи консервативнѣе, чѣмъ дѣйствительность. Тотъ въ сущности довоенный. «антигероическій» канонъ. повидимому, все еще является официальной «религіей»; и въ то же время довоеннымъ жрецамъ уже приходится реставрировать его съ огромными усиліями. Онъ уже не соотвѣтствуетъ духу новой современности, онъ высвобождается изъ подъ него. подобно тому, какъ живая ткань тѣла заставляетъ медленно отсыхать покрывающій ее струпу. Ибо духъ современности. имѣя опытъ великой войны, непріемлетъ довоеннаго «канона». онъ уже наитанъ инымъ паѳосомъ.

Война — это не только бичъ человѣчества. наряду съ гладомъ, моромъ и землетрясеніемъ; но это есть то время, когда меркнуть «Блоки» и расцвѣтаютъ «Гумилевы»; когда господномъ положенія становится не Парисъ. а Гекторъ . . . Это не только господство грубой силы и злобы, время, когда замолкаетъ поэтъ и ученый, артистъ и художникъ: но это также и время, когда рождается доблесть и мужество. отвага и честь. любовь и самоотверженность; — время появленія новыхъ людей съ новой психологіей, тѣхъ, кто привыкъ быть хозяиномъ своей жизни и смерти. —

Для кого не страшны ураганы,
Кто извѣдалъ мальстремы и мель . . . ,

-- время, когда р о ж д а ю т с я г е р о и . —

Я хотѣлъ бы быть до конца понятымъ. Все здѣсь высказанное не есть только личное измышленіе. Я готовъ утверждать, что также думаютъ и чувствуютъ многіе и многіе, даже безотносительно къ странамъ и національностямъ, особенно люди извѣстнаго поколѣнія: и мои сверстники. и люди моложе меня. Въ этомъ смыслѣ все изложенное есть какъ бы и нѣкое свидѣтельское показаніе. Иллюстрируя это русскими примѣрами и образами, можно сказать, что люди этого поколѣнія, искренно отдавая должное образу честнаго и либеральнаго предсѣдателя земской управы, весь паѳосъ котораго ис-

черпывался «аптечками и библиотечками», впервые нашли, поняли и до конца возлюбили образ рядового Архипа Осипова. во всей его патриотической красотѣ и простотѣ...

Когда волей исторіи они, молодыми студентами, или даже юными мальчиками вошли въ казарму, черезъ которую (хвала Богу!) почти всѣ они прошли, — они съ удивленіемъ увидали на ея стѣнахъ рядъ (пусть и лубочныхъ!) картинъ героическаго и патриотическаго содержанія. Это было для большинства изъ нихъ ново... И они прежде всего не могли не задуматься надъ тѣмъ, почему въ кабинетѣ ихъ отца висѣлъ портретъ какого-то господина съ бородой, росшей откуда-то изъ шеи. и почему тамъ не было ни одного изъ тѣхъ, которые висѣли въ казармѣ, которые говорили о чемъ-то новомъ и совсѣмъ другомъ...

Въ своемъ подавляющемъ большинствѣ люди этихъ поколѣній дошли до своего міровоззрѣнія и до своей «эстетики», увы, безъ помощи предыдущаго поколѣнія, дошли самостоятельно, сами; они — самоучки. Въ этомъ, можетъ быть, и ихъ слабость; но отсюда, какъ всегда это бываетъ, и твердость ихъ убѣжденія. —

Все мною сказанное здѣсь, по своимъ цѣлямъ, не есть скрытая «филиппика» противъ ортодоксальныхъ идей демократіи или завуалированное опороченіе республики, какъ формы правленія — во что бы то ни стало... Но духъ, «религія» демократизма и республиканизма — миѣ дѣйствительно глубоко чужды; и притомъ именно потому, что я воспринимаю этотъ духъ, какъ отвращающій взоръ челоуѣка отъ Бога на небѣ и отъ героя на землѣ. Я знаю однако, что среди республиканцевъ и демократовъ есть люди, не считающіе это ни для себя, ни вообще обязательнымъ. Тѣмъ лучше... Моя борьба «не противъ плоти и крови». Я не сектантъ. Я самъ измѣряю тѣ или инныя формы только ихъ большей или меньшей способностью вмѣщать въ себя — духъ героизма, социальнаго облагораживающаго и заразительно возвышающаго, духъ національнаго горѣнія, безраздѣльный паѣосъ Родины, паѣосъ долга и жертвы, водительства и служенія. Люди, единожды ощутившіе ихъ и возлюбившіе — до конца дней своихъ имъ обречены.

При рѣшеніи вопроса о формѣ правленія, конечно, огромную роль играютъ традиціи и то или иное отношеніе къ своему историческому прошлому. Но мнѣ думается, что для Россіи вопросъ стоитъ глубже. Въ тотъ моментъ, когда съ нея спадетъ, вѣрнѣе будетъ снята интернаціональная кора, — это есть первая и ничѣмъ незамѣнимая задача, — встанетъ вопросъ не о формѣ правленія, а о томъ, чтобы эта форма была наполнена и напоена подлинно творческимъ и творчески-патріотическимъ содержаніемъ.

Волевая личность, годная и лично-отвѣтственная, способная увлекать и вести, водить и служить, подчинять и жертвовать, все требовать, но и все отдавать — должна быть восстановлена въ своихъ правахъ. Россія и не освободится, и не возродится безъ героевъ! Герои нужны ей и для освобожденія и для восстановленія!

Героизмъ долженъ быть введенъ въ государство, какъ нѣкое творческое и животворное начало.

Н. Цуриковъ.
